

Владимир ЖУКОВ

РАСКАЗЫ

ГОНЕЦ ИЗ ПИЗЫ

«Имя! Имя!» – этот хмырь хотел знать, кто меня крышует...

Если я такой умный, почему я такой бедный? Когда я услышал это в свой адрес в третий раз в течение одной недели, и от кого – от приятеля, от собственного сына и, наконец, от женщины, которая мне отнюдь не безразлична, – я почувствовал, как эта мысль начинает резонировать во мне уже безо всяких усилий со стороны окружающих.

Ну что я мог сказать в ответ? Что мне и самому насточертели дешевые барахолки с их слащаво-привязчивыми торгашами, сами эти поездки через весь город – только чтоб сэкономить двадцатку-другую? Что есть у меня и своя вполне материальная «мечта идиота»? Нет, не спиннинг. И не новая зимняя резина. Так и быть, сознаюсь: смокинг. Белый. Из grain de poudre, очень легкой шерсти – специально для мероприятий на воздухе и круизов, непременно пошитый на заказ. А к нему белоснежная сорочка с французскими манжетами и воротником-стойкой с уголками. Конечно, черный галстук-бабочка – но не на резинке, а, как и положено истинному джентльмену, завязанный вручную. Носовой платочек из тончайшего льна в нагрудном кармане. Наконец, туфли «оксфорд» со шнурками, классика жанра.

Белое с черным – это так решалось бы в цвете с моей хемингуэвской бородой с проседью, как говорят у нас на кафедре, солью с перцем...

Иногда мне хотелось, подобно тому брадобрею, случайно увидавшему у царя Мидаса ослиные уши, вырыть ямку и прошептать туда свою неприличную тайну.

– Ну совсем сбрендил, старый, – заметила бы по этому поводу моя жена Полина. И была бы, как всегда, права. Да и на какие такие «мероприятия на воздухе» я заявлялся бы в своем элегантном вечернем наряде? Ну разве что на собрания нашего дачного кооператива, куда приходят в замызганных халатах и требниках, а орут так, что слышать за версту. И все же, все же...

Всякий раз, торопясь на лекцию, я хотя бы на несколько секунд застывал у витрины, где красовалось это чудо, и представлял себя на месте того безмозглого счастливичика из папье-маше.

Впрочем, мы уже знаем, что мой собственный интеллект тоже был какой-то ... неполный. По крайней мере, в глазах близких я оказывался чуть ли не умственным инвалидом, у которого какой-то один участок мозга явно процветал за счет других, уж по крайней мере, не менее важных.

Надо было что-то предпринимать. И я призвал на помощь весь свой избыточный интеллект...

Ранним утром следующего дня – как сейчас помню, то была суббота – ваш покорный слуга уже стоял среди других торговцев автозапчастями на рынке в Южном порту.

– Имя! Имя! – я потом взглянул на часы: прошло всего минут сорок с небольшим, как этот хмырь появился передо мной, по-хозяйски щелкая пальцами. Он желал

знать имя того, кто меня «крышует»: это было бы чем-то вроде лицензии на торговлю на подконтрольной ему территории. Ему и в голову не приходило, что кто-то мог набраться наглости и занять здесь место без уплаты дани, ибо платили все и без разговоров. Поэтому текст своей более чем эпизодической по замыслу роли – я иронически назвал его про себя Гонец из Пизы – он проговаривал на ходу, практически даже не поворачивая головы в сторону потенциальной жертвы.

Но около моей персоны ему остановиться пришлось. Я этому Гонцу сразу не понравился, это было ясно. Ведь я не идентифицировался ни с одним привычным для него типом здешнего люда. Особенно сбивали его с толку строгий костюм, сливочного цвета сорочка и галстук, не очень-то уместные здесь, на рынке, тем более в тридцатиградусную жару, да еще старомодные «профессорские» очки в роговой оправе.

– Имя! – еще раз, уже со злобной интонацией, повторил он и взглянул на меня.

Я растянул губы в улыбке и попытался придать лицу как можно более дружелюбное выражение. Кажется, я даже помахал ему рукой. Но и этого мне показалось мало. Заметив, что Гонец из Пизы смотрит на меня, выпучив глаза, я еще дурашливо прилизал лысину, как я делаю это дома, прежде чем усестись за обеденный стол.

Тут Гонец из Пизы, наконец, сдвинулся с места и, вплотную приблизившись ко мне, что-то прошептал.

– Не слышу, громче! – скомандовал я тоном, хорошо поставленным на экзаменационных сессиях, и заметил, что к нам начали прислушиваться.

Ну, конечно, что мог еще сказать мне этот говнюк.

– Папа, что ты тут делаешь?

– Как что я делаю, сынок, – отвечал я, – ты разве не видишь: борюсь с иссушающей душу бедностью, как советовали мне некоторые близкие родственники... А ты что тут делаешь?

Вместо ответа я увидел то самое выражение упрямого молчания, которое появлялось, когда его спрашивали в детстве: «Ты зачем брал варенье без спросу?»

– Сколько тебе нужно, па? – уже другим тоном спросил он, извлекая из кармана спортивных брюк пухлый бумажник.

– Ты что, сын, хочешь купить у меня мой товар? – удивился я.

– Ну да, да, я хочу купить у тебя твой товар, – нетерпеливой скороговоркой повторил он. Его пальцы, не в пример моим, уже изрядно перепачканным машинным маслом и мазутом, были чистенькими и розовыми. – Сколько ты за него хочешь?

Я начал прикидывать:

– Так, ланжеронов у меня тут тысяч на двадцать. Еще подвески заднего моста там, в машине... В общем, выходит тысяч пятьдесят...

– Ну, полтинник я еще не нава... не заработал, – деловито сказал он, протягивая пару купюр, – вот, па, возьми пока двадцатку, остальное вечером...

– Не годится, сын, – покачал я головой. – Мне нужно рассчитаться за товар в конце дня...

Он подскочил к какому-то торговцу, видно, решил занять. Итого, высчитывал я, после расчетов с оптовиком мой чистый доход составит около семи тысяч. Гм, мое двухнедельное профессорское жалованье. За час «работы»! Да, с этим можно было жить...

Сын проводил меня до ворот. Он был оживлен, шутил, явно пытаясь загладить возникшую между нами неловкость. Бедняга, он еще не знал, что в следующую субботу увидит меня здесь снова.

Уходя, я оглянулся и подумал, что совсем неплохо смотрелся бы здесь элегантно щелкающим пальцами в своем белом смокинге с шелковыми лацканами и при «бабочке». Впрочем, как вы прекрасно понимаете, то была лишь минутная слабость.

ДОМИНИРУЮЩИЙ САМЕЦ

Конечно, Федор врубался. Я вот только не запомнил: слегка вытаращенные глаза у парня были уже до нашего знакомства?..

Шеф, заглянувший с утра ко мне в кабинет, выглядел слегка озабоченным.

– Слушай, Сергей Петрович, берем тут на работу одного... гм... хакера. Профессионально он для нас – то, что надо. Но есть одна закавыка...

Оказалось, юноша заявился на интервью в бандане и с «дебильником», то бишь плеером в ушах. Про серьгу в ноздре уж не говорю, на общем фоне это суцья мелочь, но были еще, представьте, ролики. За ролики он, правда, сразу извинился, объяснил, что привык передвигаться так по городу.

– Парень дает понять: раз я вам нужен, придется, господа, принять меня каким есть, – продолжил шеф. – Надо бы его как-то сразу обломать: улавливаешь, какой это пример для остальных? Только гляди, не спугни...

Ну что я мог ответить? Что попробую...

Эх, юность, юность... Время искренних порывов и одновременно почему-то – неуклюжих, нелепых поступков. Помню одного парнишку из соседней коммуналки, студента, который ни с того ни с сего водрузил на своей двери вывеску – «Доминирующий самец». Не иначе как захотелось разделить с остальным человечеством радость от обнаружения у себя вторичных половых признаков.

Порфирыч, сосед из угловой комнаты, уж совестил-совестил юнца по-свойски, а потом взял да и подал в суд. К нему, дескать, медсестры ходят с уколами, что они подумают? Ведь если этот – доминирующий, то он, бывший фронтовой разведчик, – тогда какой? А поскольку барышень в их скромном обиталище не числилось, тут мог усматриваться и вовсе сомнительный подтекст...

И что вы думаете? Пусть «именем Российской Федерации», но заставил-таки дед отказать юного самозванца от незаслуженного титула. А объявить себя просто заурядной особью мужеского пола тому показалось не столь уж интересным. Подержал он куцую вывеску еще недолго из самолюбия, да и выбросил...

Размышляя о деликатном задании шефа, решил я полистать свои давнишние конспекты по работе с персоналом: даром, что ли, с нас по семь потов сгоняли тогда на тренингах? Потянулся на антресоль, дернул какую-то тетрадку, а оттуда как посыплется, как повалится... Старые учебники, кассеты еще катушечные, даже хоккейная шайба, что гонял еще в дворовой коробочке, и вдруг среди всего – журнальчик вроде «Плейбоя». Ах, Тимоха, думаю, стервец, на что карманные денежки отцовские спускает. Закинул я журнал обратно подальше, а он опять мне по лысине, да еще кучу пыли на голову натрусил...

Взял я тогда эту похабщину так брезгливо двумя пальцами и понес к мусоропроводу. И вдруг будто что-то шевельнулось внутри: гляжу – силуэт на обложке, пусть смутно, но такой знакомый. И год-то – 1971-й! Ба, соображаю, так это же...

И тут, что называется, нахлынули воспоминания... Первый «огнетушитель», распитый в подъезде из горла, тот же маг катушечный... Опять-таки, первые в жизни фасонистые клеша, да еще с офицерским ремнем, на который копил со школьных завтраков... Ну и все такое. Ага, думаю, вроде наклеивается идея, как выполнить просьбу шефа.

... На встречу со мной новоявленный «самец» явился без опоздания, тик-тик. К моему разочарованию, на сей раз парень решил отказаться от всех своих дурацких фенечек и, мало того, предстал во вполне цивильном костюме и даже при галстукке. Но отыгрывать назад было уже поздно...

Как можно дружелюбнее улыбаясь, я устремился навстречу гостю.

– Серега, – представился я, завладев его ладонью. – Можно просто Серый. И давай сразу на «ты», о'кей?

Он как-то довольно вяло кивнул.

– Ты извини, что я без галстука, – добавил я, перекладывая свою любимую клюшку, перемотанную изолентой, в другую руку. – Так уж я привык передвигаться по городу...

Старенькие гаги слегка жали мне в подъеме, но в целом были еще ничего.

Мы несколько церемонно присели за низенький кофейный столик и с полминуты помолчали.

– Не против, если я посмолю малость? – не дожидаясь ответа, я достал початую пачку «Примы», одним щелчком извлек оттуда сигарету и закурил, выпуская дым крупными кольцами. Кабинет быстро наполнился ароматами тамбура пригородной электрички.

– Выпьешь чего-нибудь? Есть «Солнцедар» и «Біле міцне». Нет? (Судя по выражению его лица, гостю впору было поднести нашатырь.) А я пригублю «биомицинчику»...

Разговевшись портвешком моей молодости, я врубил на полную свой допотопный «Грюндиг», и тот довольно бодренько загундосил: «В бе-елом платье с пояско-ом...»

Под этот аккомпанемент парень показал мне свое портфолио, а я ему – песенник, который вел еще в пионерлагере, свои детские коллекции марок и засушенных жуков, а следом – и дембельский альбом. Патлатый парик а-ля Мик Джагер образца начала 70-х то и дело съезжал мне на левое ухо, но в остальном все, кажется, было вполне пристойно.

Потом мы вместе подпевали голосистому спутнику моей юности с экзотическим именем Кола Бельды. Точнее, гость по моей просьбе пытался подтягивать вслед за певцом, а я подыгрывал им обоим на электрогитаре, некогда соструганной мной из столешницы.

Под конец мы совершенно скорешились.

– Фирма, чувак, у нас неплохая, – стараясь перекричать нанайского соловья, втолковывал я своему новому приятелю, которого, насколько я помню, звали Федором. – Люди все творческие, с мозгами, не без заскоков, конечно, но ведь к этому надо относиться с пониманием, врубаешься? Врубаешься или нет, я тебя спрашиваю?

Конечно, Федор врубался. Я вот только не запомнил: слегка вытарашенные глаза у парня были и до нашего знакомства – или это произошло, так сказать, уже в процессе.

Провожая гостя, я не преминул с гордостью продемонстрировать ему и наш тренажерный зал, и буфет, и прочие достопримечательности. Похоже, Федору было немного неловко перед остальными сотрудниками: что поделаешь, давненько не доводилось взбираться мне по ступенькам на коньках, отчего я просто не мог не опереться на плечо моего юного друга. Да и полторы бутылки крепленого, каюсь, давали о себе знать...

Что случилось потом, я, по правде, так и не понял. Мне сообщили, что Федя канул, как в Лету, не забрав даже своих документов. Шеф, естественно, свалил все на меня и срезал премию. Но я, признаться, ни о чем не жалею.

Изредка промозглыми осенними вечерами, поцеживая остатки «Солнцедара», накапанного в коньячную рюмашку, я мну в зубах незажженную «Приму» и искренне, не понарошку грущу. А грущу я по тому отрезку своей жизни, когда и мне, пусть неуклюже, пусть даже нелепо, но еще хотелось что-то заявлять этому миру...

СЫВОРОТКА ПРАВДЫ

«Француженке» Иван Фомич указал, что ее рейтузы дискредитируют саму идею модернизации образования...

У преподавателя трудового обучения Ивана Фомича обнаружилось странное недомогание. Сперва оно представляло собой легкое головокружение, этакий по-своему даже приятный шумок в черепушке. Потом шумок стал усиливаться, а иногда Ивана Фомича чуть пошатывало, будто только что махнул он не то грамм сто пятьдесят, не то даже два раза по столько. Доктор сказала: что-то с сосудами, прописала кучу таблеток и велела больше лежать.

Из поликлиники Иван Фомич потопал ближним путем – через железно-дорожное полотно, потом вдоль насыпи, обильно поросшей бурьяном, и далее мимо окошка приема стеклотары, где уже толклись жаждущие опохмелиться со всего поселка.

Тут Иван Фомич обычно чуть прибавлял шагу и даже несколько напряженно устремлял взгляд в противоположную сторону – чтобы не провоцировать земляков на холостые призывы. Мужиком он был справным, но почти не употребляющим, а в Большаках без потери лица таковыми могли являться разве что язвенники да еще дачники из городских.

Но на сей раз все сложилось иначе: Иван Фомич, к собственному удивлению, даже внимательно оглядел страждущих – не найдется ли кого из знакомых. Под старым кленом догонялись пивом работяги с лесопилки, и наш герой, не долго думая, пристроился к ним четвертым. Быть довеском по жизни ему было не привыкать, их с супругницей прозвали даже «вагон и маленькая тележка»; не подумайте, что под тележкой имелась в виду могутная и горластая Зинаида Макаровна...

Мужики было поглядывали на малопьющего компаньона с подозрением, пока Иван Фомич не сообразил объявить, что с утра уже принял, отчего теперь ему «хорош».

Тут-то он и оценил все преимущества своего нового положения. Во-первых, весь день у него было приподнятое настроение. Оно сопровождало Ивана Фомича повсюду, где бы он ни находился и что бы ни делал: управлялся ли с рубанком во дворе, откликался на настойчивые призывы супруги к столу или, воздев на нос очки, принимался за изучение послеобеденной газеты... Даже когда он дремал, ритуально накрывшись этой самой газетой, его посещали беззаботные сны, какие бывают только у счастливых людей, да и то в юности...

Это новое состояние не имело ни цвета, ни, что особенно важно, запаха. После него также не бывало похмелья, наконец, оно не обуславливалось утаиванием неких сумм из семейного бюджета, и, соответственно, не отягощалось изнуряющим чувством вины.

Теперь Ивану Фомичу, человеку дотоле, скорее, замкнутому, все время хотелось находиться среди людей, быть в центре их внимания. И тут обнаружилась еще одна черта Ивана Фомича, крайне важная в контексте описываемых нами событий: он стал совершенно невоздержан на язык, разохотившись резать правду-матку, невзирая на лица и обстоятельства.

Первыми почувствовали неладное алкаши: их новый кореш оказался чересчур монологичен, да к тому же нетерпим к чужому мнению. Куда было податься бедному Ивану Фомичу с такими ярлыками? Ну разумеется, в родную школу.

Как-то на родительском собрании он попросил слова, чтобы своим заплетающимся языком поблагодарить присутствующих. За что – спросите вы. А за пофигизм.

Если конкретнее – за то, что, равным счетом ничего не зная о моральных качествах Ивана Фомича и его коллег, эти люди доверяют им воспитание собственных детей.

Коллеги, еще не подозревающие о своеобразной «сыворотке правды», зародившейся в организме Ивана Фомича, в тот же день устроили разбор полетов, а для лучшего эффекта позвали инспектора из роно. Нашему же смутьяну только этого было и надо. Школьному завхозу, взявшему обличительное слово первым, он не дал и рта раскрыть. «Зря ты, Михалыч, украл краску, выделенную на ремонт, сейчас, – попенял приятелю Иван Фомич. – А ежели теперь на рекреацию не хватит? Не мог, что ли, подождать, как обычно?»

Дородной француженке, попытавшейся было заступиться за деверя, Иван Фомич не без оснований указал на то, что шерстяные рейтузы, в которых она практически бесшумно входит в класс вот уже несколько лет, дискредитируют саму идею модернизации отечественного образования. Пользуясь случаем, Иван Фомич просветил коллегу, что из-за экстравагантной одежды ее называют Жопопотамом, причем не только ученики, но и некоторые учителя. В ответ на это произошло и вовсе неожиданное: рыдающая француженка, не сходя с места, стянула с себя злосчастные рейтузы, чтобы тут же швырнуть их в лицо ...нет, не правдорубу, а директору Михаилу Ермолаевичу с криком: «Это все из-за тебя, жмот проклятый!» После чего уже директорская половина, она же завуч начальных классов, молча встала и вышла из кабинета, грохнув дверью так, что хомяк в живом уголке, в ужасе наблюдавший эту сцену, подпрыгнул вместе с клеткой.

Не менее примечательной оказалась фраза, с которой наш герой нетвердой походкой покинул высокое собрание. «Буду за вас бороться, – доверительно сообщил он потрясенным коллегам. – Я не дам вам погибнуть».

Странная болезнь меж тем прогрессировала. Для несовершеннолетних современников Ивана Фомича тут наступили и вовсе черные дни, особенно когда доморощенный робеспьер гордо напяливал красную повязку и выбирался из своей мастерской дежурить по вестибюлю. Излюбленные герои его Филиппик в такие минуты отсиживались по кабинетам, а завидев вдалеке серый халат, попросту бросались наутек. Но рано или поздно Ивану Фомичу, прихватив несчастного за пуговицу, – чтоб не упустить добычу, да и не завалиться самому, – все же удавалось ознакомить того, так сказать, с гласом демократической общественности.

Думаете, Ивана Фомича не пытались привлечь по этому самому делу? Но анализы все, как один, почему-то показывали: не вязавший лыка скандалист трезв, аки стеклышко. Всем стало ясно, что у Ивана Фомича появились могущественные покровители, оттого-то ему и море по колено.

Понятно, что нашему герою была уготована незаурядная политическая карьера, по крайней мере, местного масштаба. Но... однажды «скорая» увезла его прямо с урока. Вернулся Иван Фомич только через месяц – тихим, будто пришибленным, каким его уже никто и не помнил. «Залечили!» – шептались вокруг. И действительно, бывший правдолюб теперь лишь безмолвно взирал на происходящее выразительными, немислимо печальными глазами. Не мудрено, что вскоре, к удовлетворению своих недавних жертв, он и впрямь стал прикладываться к бутылке.

Нынче Иван Фомич под присмотром супруги раз в месяц отправляется в райцентр, где посещает общество анонимных алкоголиков, открытое при городской рюмочной. Это своего рода клуб общения местных чудиков. Не представляясь, они толкают здесь друг перед другом речи о судьбах Отечества и правах человека, а заодно и в меру выпивают...